

Филиппова Елена Михайловна

ТЕМА ТЕЛЕСНОЙ "ДЕМАТЕРИАЛИЗАЦИИ" В ВОЛШЕБНЫХ РАССКАЗАХ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ

В статье рассматривается проблема художественного осмысления тела, телесности в современной культуре и литературе. Рассмотрены подходы к анализу художественного воплощения тела в литературоведении и философии, в частности, представлена постструктуралистская концепция тела и телесности. Анализируются представления о внутреннем и внешнем теле, вопросы функционирования тела и его моделирования в современной культуре. Предпринимается попытка рассмотреть тему телесности в творчестве Л. Петрушевской с позиции представлений современной культуры о теле как объекте конструирования и изменения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/9-2/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 197-200. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается проблема художественного осмысления тела, телесности в современной культуре и литературе. Рассмотрены подходы к анализу художественного воплощения тела в литературоведении и философии, в частности, представлена постструктуралистская концепция тела и телесности. Анализируются представления о внутреннем и внешнем теле, вопросы функционирования тела и его моделирования в современной культуре. Предпринимается попытка рассмотреть тему телесности в творчестве Л. Петрушевской с позиции представлений современной культуры о теле как объекте конструирования и изменения.

Ключевые слова и фразы: тело; телесность; «дематериализация телесности»; конструирование тела; телесный канон; тело внутреннее; тело внешнее.

Филиппова Елена Михайловна, к. филол. н., доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
filippovaem@rambler.ru

**ТЕМА ТЕЛЕСНОЙ «ДЕМАТЕРИАЛИЗАЦИИ»
В ВОЛШЕБНЫХ РАССКАЗАХ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ®**

Литература, а вслед за ней и литературоведение XX века активно разрабатывают тему проявления телесности в художественном тексте. Основой для исследований стали работы М. М. Бахтина, в частности «Эстетика словесного творчества», в которой тело представлено в виде двух телесных канонов, попеременно доминирующих, но находящихся в самой тесной связи. Также говорится о наличии тела внутреннего («переживаемое изнутри») и тела внешнего («пластическая форма Другого»). В философии и эстетике Бахтина – это проблема диалога между внутренним и внешним голосом, или, другими словами, голоса тела и внутреннего голоса. Бахтин считает, что «внешнее тело» объединяется и оформляется познавательными, этическими и эстетическими категориями, являющимися совокупностью внешних зрительных и осязательных моментов и представляющих в нем пластические и живописные ценности. Особенно интересно рассуждение ученого о необходимости внешнего восприятия и внешней оценки для целостного восприятия тела: «тело не есть нечто самодостаточное, оно нуждается в другом, его признании и формирующей деятельности» [1, с. 290]. Бахтин рассуждает о восприятии внутреннего тела, которое представляется как мое тело, момент моего самосознания и есть совокупность внутренних органических ощущений, потребностей и желаний, объединенных вокруг внутреннего мира, при этом внешний фрагмент достаточно фрагментарен и не достигает самостоятельности и полноты. Человек не может реагировать на свое внешнее тело, так как все, что непосредственно с ним связано, относится к внутреннему состоянию и внутренним возможностям. Испытывая страсть, наслаждение, страдание, мы реагируем телесно, но корни нашей реакции и рождающие ее импульсы находятся глубоко внутри.

Дальнейшие исследования шли по пути углубления и расширения концепции Бахтина. Например, изучались различные аспекты проявления телесности в художественном тексте. Так, во внешности литературного героя можно выделить, по крайней мере, два структурных компонента – «одежду» и «тело». Строго говоря, эти компоненты не исчерпывают «состав» внешности, куда входит и украшение, и косметика, и т.п. Тем не менее во внешности литературного героя ряд телесный соотносится с рядом вещей. Одежда занимает главное место в ряду вещей, непосредственно связанных с внешностью. При этом сама функция одежды как покровы тела распространяется и на другие вещные компоненты наружности. Наиболее интересным в восприятии внешности как художественной ценности является характер расположения одежды и тела в структуре внешности. Например, когда граница между одеждой и телом прорывается, разрушается [3; 10].

Одежда и тело как конкретные художественные образы вступают в отношения со- и противопоставления с другими образами произведения, отсылая к значимым для всего произведения ценностям полюсам. Одежда образует социальный слой в человеке, связанный с ценностями цивилизации, тело – естественный слой, организованный природными ценностями [4; 5; 9].

Особое место в современном литературоведении занимают открытия постструктуралистов, например стратегия «ускользания телесности», которая была разработана в рамках их художественной практики. Теоретической основой этой практики стали исследования Ж. Делеза и Ж. Бодрийяра. В концепции Ж. Делеза появляется такое определение, как «тело без образа», в котором «ничто не репрезентативно» и которое необходимо создавать, подобно вербальному тексту. Художник искажает, увечит, порой «препарирует» и даже уничтожает изображаемое тело, лишая его привлекательности для властных притязаний и манипуляций. Мертвое тело в искусстве – это тело без органов, которое становится текстом и говорит на своем языке. Страх потерять физическую идентичность – один из самых сильных человеческих страхов. Примером этому служат многочисленные трагические истории изменения самосознания классических героев, с которыми происходили изменения тела [2].

Анализируя способы виртуализации тела в современном искусстве, Н. Ю. Каменецкая приходит к очень важным, с нашей точки зрения, выводам. Во-первых, исследователь считает, что роль и образ тела в современном искусстве необходимо рассматривать в контексте и взаимосвязи с тоталитарным конструктом. Во-вторых, в современном искусстве доминирует тенденция «дематериализации» телесности: тело лишается определенных границ, становится виртуальным означающим тех или иных смыслов, ускользая из зоны предметности. Каменецкая делает подобные выводы, основываясь на анализе современной живописи, фотоискусства и других пластических искусств [5]. Однако выводы исследователя можно подтвердить и материалом, взятым из произведений современных авторов.

Обращаясь к русской литературе XX века, можно сказать, что телесность представлена самым широким образом, с использованием различных концепций и в целом является отражением общекультурных представлений о теле данной эпохи, а также является отражением авторских представлений о мире [6; 8]. Например, анализ проявления тела и телесности в рассказах и повестях Л. Петрушевской показывает, что телесность и само тело претерпевают существенные изменения, которые с очевидностью можно назвать процессом «дематериализации».

Материалом для анализа темы телесности в творчестве Л. Петрушевской послужили волшебные истории, так как, с нашей точки зрения, жанровая условность этих повестей в полной мере позволяет автору отобразить представления о теле в современной культуре.

Концепция изображения тела и телесности в волшебных повестях Л. Петрушевской формируется на взаимодействии двух тенденций. Первая основывается на особенностях жанровых определений: волшебная сказка, сказочная история позволяют автору свободно обращаться с материалом, открывают возможности кардинальных изменений героев, в том числе их телесной сущности. С другой стороны, жанр сказки позволяет использовать и традиционные фабулы, метаморфозы, лейтмотивы и т.д. Вторая тенденция формируется как отражение постмодернистской концепции тела и телесности, в которой тело является неким конструктом, подразумевающим всевозможные комбинации, являющимся своеобразным авторским допущением. На стыке этих двух тенденций возникает уникальное своеобразие «волшебных повестей» Л. Петрушевской.

Концепция тела и телесности находит отражение уже в названии повестей «Девушка Нос», «Принцесса Белоножка», «Принц с золотыми волосами». В этих повестях какая-то часть тела становится неотъемлемой частью не столько тела, сколько сознания героя. Например, в рассказе «Девушка Нос» героиня – девушка по имени Нина описана следующим образом: «У нее были золотистые кудрявые волосы, большие синие, как море, глаза, огромный нос и прекрасные белые зубы. Когда она смеялась, казалось, что светит солнце. Когда она плакала, казалось, что падает жемчуг» [7, с. 128]. Словом, это была «очень красивая девушка», портил ее только большой нос. В соответствии со сказочной фабулой этот нос героиня получила в подарок от старого обиженного колдуна, которого не позвали на праздник в честь рождения Нины. Далее сказочная фабула, на первый взгляд, нарушается, потому что героине объясняется, что с маленьким носом ее «полюбит любой подлец, а так... полюбит единственный человек в мире» [Там же, с. 129]. Таким образом, смысл физического недостатка героине становится известным сразу, однако она стремится избавиться от него, причем цена красоты – большой палец ее правой руки. То есть внешнее совершенство может быть достигнуто физическим недостатком, незаметным для окружающих, но лишаящим героиню возможности зарабатывать на жизнь (героиня работает парикмахером). Причем фабула удваивается: для того чтобы найти понравившегося ей молодого человека, Нина жертвует указательным пальцем. Примечательно, что изменение внешнего облика не меняет сознания героини, она по-прежнему остается доброй девушкой и не стремится воспользоваться своей внешней красотой, но вернуть внешнее «уродство», большой нос, она соглашается только для того, чтобы спасти любимого. В результате героиня остается с большим носом и без двух пальцев на правой руке. Финал рассказа сказочный, поскольку героиня обретает счастье (выходит замуж и рождает множество смешных детей), а ее возлюбленный возвращает ей «то, что было», то есть пальцы правой руки. В рассказе «Девушка Нос» сказочная фабула трансформируется, поскольку смысл телесного недостатка известен и героине, и читателю изначально, поэтому сюжетом истории становится процесс обретения этого смысла, причем реализуется этот процесс путем утраты или нового обретения частей тела. Сами части тела становятся функциональными: нос помогает обрести истинное счастье; пальцы, с одной стороны, помогают обрести желанную внешнюю красоту, а с другой – лишают героиню профессии.

Мысль о том, что какая-то часть тела является способом выделиться в мире, лежит в основе рассказов «Принцесса Белоножка» и «Принц с золотыми волосами». Руки, ноги, волосы, нос как бы отделяются от человека, становятся волшебным предметом преобразования героев сказок. Деформирующая сознание составляющая этого процесса не выделяется автором: герои воспринимают все происходящее как должное, не рефлектируя последствия и сам процесс, поэтому разрушительные последствия членения тела, изменения тела в волшебных историях Л. Петрушевской смягчены.

Разрушительные последствия изменения тела не становятся предметом исследования и в рассказах, фабулой которых становятся кардинальные изменения телесной сущности, например «Две сестры», «Секрет Марилены». В этих произведениях героини подвергаются телесным трансформациям, которые неизбежно влекут и изменение сознания. В рассказе «Секрет Марилены» очень толстая девушка, которая «не умещалась в такси, а в метро занимала собой всю ширину эскалатора, сидела на трех стульях, спала на двух кроватях и работала в цирке, где поднимала тяжести» [Там же, с. 268], была очень несчастливой. Причем несчастье ее определялось не размерами и формами тела: «ведь многие толстые люди живут счастливо», а наличием секрета, который заключался в том, что в теле толстой Марилены жили две девушки нормального

вида, очень красивые. В результате злого волшебства близнецы-балерины были превращены в девушку-гору «с грудью как подушка, со спиной как надувной матрац, с животом как мешок картошки» [Там же, с. 269]. Сначала изменение тела доводит героинь почти до смерти, поскольку все привычные и знакомые способы добывать себе на пропитание стали недоступны. Однако очень скоро Марилена становится успешной и богатой женщиной, поскольку «от удвоения у нее, конечно, увеличился нос, но глаза стали просто огромными, а зубы были такие крупные и белые, что на Марилену кидались все производители зубной пасты и щеток, умоляя ее рекламировать именно их товар» [Там же, с. 272]. Успех и богатство не принесли счастья, несмотря на то, что трансформация тела приводит к внутреннему изменению: в новом теле «вырастала совершенно новая, посторонняя душа, толстая и прожорливая, нахальная и веселая, жадная бесцеремонная, остроумная когда это выгодно и мрачная когда невыгодно» [Там же]. Полноценному слиянию толстого тела и толстой души мешает сказочная ситуация: в толстом теле на самом деле томились две души, «несчастливые и одинокие», которые имели право возникать на два часа по ночам, «путали весь режим, не знали распорядка... зато неуместно вспоминали родину и умерших отца с матерью...». Автор утверждает, что «в человеке иногда исчезают прежние души и заводится новая, особенно с возрастом» [Там же, с. 273].

Тема соотношения телесных и возрастных изменений рассматривается в рассказе «Две сестры», фабулой которого является волшебное преобразование, прежде всего телесное, двух старушек сестер, восьмидесяти семи и восьмидесяти пяти лет, которые однажды превратились в девочек двенадцати и тринадцати с половиной лет. Молодое тело неизменным сознанием воспринимается как чужое: «И вдруг Лиза увидела, что из ее темного старушечьего рукава высунулась маленькая белая ручка с розовыми ногтями! Лиза страшно испугалась. Она втянула эту чужую руку обратно в свой рукав, рука втянулась» [Там же, с. 248]. Описание внешности старушек до преобразования не было дано автором, поэтому косвенным описанием этого можно считать одежду, которая воспринимается новым телом как нечто чужое, неприемлемое: «Одежда Лизы как будто опустела, повисла на ней как чужая», «невообразимо было ходить в том, в чем ходили в последнее время Рита и Лиза, в этих аккуратно залатанных, но уже редких, как решето, юбках» [Там же, с. 249]. Новое тело требует не только новой одежды, но и новой пищи. Если раньше старушки могли обойтись картофелем на обед, «на завтрак съедали по куску хлеба и выпивали стакан кипятка», то теперь «ели с отвращением и картофельный суп с луком, и пюре на второе, и кефир на третье. Очень хотелось пирожного, мороженого или конфет, в крайнем случае хлеба с сахарком» [Там же, с. 250]. Волшебное преобразование приносит в жизнь старушек множество проблем, разрешить которые очень сложно еще и из-за их малолетнего возраста. Интересно, что старшая сестра, Рита, сохраняет взрослую ответственность, но определяется это, скорее, ее положением старшей сестры, которое всю жизнь заставляло ее заботиться о младшей сестре. Не приносит радости и новое молодое тело, маленькие ножки, тоненькие пальчики, розовые ноготки, потому что это новое молодое тело требует и другой пищи, и другой одежды. Кроме того, вызывает страх и возможность заново прожить жизнь: «все снова-здорово: болезни, роды, стирки, уборки, покупки. Работа. На улице то демонстрации, то митинги, не дай Бог опять война, – зачем все это?» [Там же, с. 254]. Взрослое сознание, осмысливающее жизненный опыт, отказывается от возможности прожить жизнь заново. Так же и новое сознание, возникающее в молодом теле, с интересом и недоумением вглядывается в бытовые подробности прежней жизни старого и большого тела: «какая-то противная квартира, нищета какая-то, никого невозможно пригласить в гости» [Там же]. Своеобразное раздвоение сознания героинь в связи с новым молодым телом является отражением постепенного изменения этого сознания. Так, встретив свою старую знакомую, старушку, Лиза и Рита повели себя как настоящие подростки, ошетинились, заговорили на сленге, но в это же время сумели спасти от сердечного приступа, вовремя найдя валокордин. В финале героини так и остаются девочками, которые ходят в школу, как настоящие дети: «сначала с радостью, а потом, как все дети, уже с неохотой» [Там же, с. 256], а их спасительница, знакомая старушка Майя Генриховна, поражается наличию у таких маленьких девочек мудрости и всепрощения. Телесное преобразование всегда влечет за собой изменение сознания.

Крайним случаем изменения тела в волшебных историях Л. Петрушевской является полное его исчезновение. В рассказе «История живописца», попав на полотно в качестве изображенного, тела исчезают. Это самые обыкновенные, ничем непримечательные люди. В рассказе «Новые приключения Елены Прекрасной» тела становятся незаметными для окружающих, если обладатель этого тела посмотрелся в волшебное зеркало. В обоих рассказах исчезновение тела необходимо для обретения счастья.

Таким образом, в рассказах Л. Петрушевской представлены современные культурные представления о теле и телесности, которые отличаются откровенным интересом к человеческому телу, однако эта культура демонстрирует паникующее, агонизирующее тело, а точнее то, что вылепило из него общество. Тело перестает быть самостоятельным феноменом, становится предметом изменения, моделирования. Тело становится объектом конструирования.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 416 с.
2. Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: Издательство «ПЕР СЭ», 2000. 346 с.
3. Дианова В. М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб.: Петрополис, 1999. 238 с.
4. Золотонос М. Слово и Тело: сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX-XX веков. М.: Ладомир, 1999. 832 с.

5. Каменецкая Н. Ю. Феномены массовой культуры или виртуальность гендерных реалий // Семья, гендер, культура. М.: РГГУ, 1997. С. 382-388.
6. Максимов В. В. Типы телесной образности в контексте повествований о войне 1941-1945 гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3. Ч. 2. С. 124-126.
7. Петрушевская Л. «Город света»: волшебные истории. СПб.: Амфора, 2005. 319 с.
8. Рябцева Н. Е. Топос тела в современной женской поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3. Ч. 1. С. 151-153.
9. Тело в русской культуре: сб. статей / сост. Г. Кабакова и Ф. Конт. М.: НЛО, 2005. С. 161-176.
10. Эпштейн М. Тело на перекрестке времен: к философии осязания // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 66-81.

TOPIC OF CORPOREAL “DEMATERIALIZATION” IN MAGIC STORIES OF L. PETRUSHEVSKAYA

Filippova Elena Mikhailovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
filippovaem@rambler.ru

The article considers the problem of artistic understanding of body, corporeality in contemporary culture and literature. The approaches to the analysis of body artistic embodiment in literary criticism and philosophy are considered, in particular, the post-structuralist conception of body and corporeality is presented. The ideas about internal and external body, as well as the questions of body functioning and its modeling in contemporary culture are analyzed. The attempt is undertaken to consider the topic of corporeality in the creative works of L. Petrushevskaya from the perspective of contemporary culture ideas about body as an object of construction and change.

Key words and phrases: body; corporeality; “dematerialization of corporeality”; construction of body; corporeal canon; internal body; external body.

УДК 811.111'42'342

Филологические науки

В статье рассматриваются вторичные англоязычные тексты, созданные с помощью транспонирования басен, сказок и стихотворений такими фонетическими средствами как спунеризм и пародирование ритма. В подобных текстах реализуется игровая (людическая¹) функция языка. Анализируется план выражения данных игровых текстов, надлежащее восприятие содержания которых предполагает декодирование скрытого людического смысла или установление ассоциативной связи с оригинальным произведением.

Ключевые слова и фразы: спунеризм; пародирование ритма; людическая функция языка; языковая игра; креативность языка; игровое транспонирование текста; игровой вариант текста.

Храмова Екатерина Александровна

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
kate_2087@mail.ru

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ИГРОВОГО ВАРИАНТА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА[©]

Данная статья посвящена анализу игровых вариантов англоязычных текстов басен, сказок и стихотворений, созданных посредством фонетически релевантного транспонирования оригинала. Последнее подразумевает либо изменение фонологических синтагматических отношений исходного произведения с помощью спунеризмов (spoonerisms), либо воспроизведение ритмической организации первоисточника. Целью исследования является характеристика фонетических средств, обеспечивающих игровой статус рассматриваемых вторичных текстов. Работа выполнена на материале 26 басен Эзопа и 17 детских сказок общим объемом 136 страниц, переписанных Ф. Ч. Тейлором (Frederick Chase Taylor) с использованием перестановки букв (звуков) и слогов, а также 75 пародий на стихотворения различных авторов (Ogden Nash, Rudyard Kipling, Samuel Taylor Coleridge, Robert Herrick, William Blake и др.) из периодического издания «Parody» («Пародия»).

Обратимся к теории вопроса о людической функции языка и языковой игре. Д. Кристал (David Crystal) указывает на недостаток внимания лингвистов к игровому потенциалу языка: «...The ludic function of language is generally not mentioned in dictionaries or introductory texts – or is at best marginalized. Yet it is one of the most important dimensions of language» [19, p. 221] – «...Как правило, людическая языковая функция либо вовсе не упоминается в словарях или вступительных статьях, либо, в лучшем случае, занимает периферийное положение.

¹ Й. Хёйзинга вводит в употребление слово «ludiek», обозначающее «то, что относится к игре, или к процессу игры» [15, с. 8]. В. Г. Гак использует вариант «людическая функция языка» [5, с. 371]. На основании вышеизложенного представляется допустимым упоминание слов «игровой» и «людический» в качестве синонимов.